

Copyright © 2016 by Sochi State University



Published in the Russian Federation  
 Bylye Gody  
 Has been issued since 2006.  
 ISSN: 2073-9745  
 E-ISSN: 2310-0028  
 Vol. 40, Is. 2, pp. 479-488, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>



UDC 94.470

## Finishing Touches to the Portrait of Kuban Intelligentsia at the Turn of the XIX–XX centuries

Andrey G. Danilov <sup>a, \*</sup>

<sup>a</sup> Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

### Abstract

The article analyses the main definitions (concepts) of the notion «intelligentsia». The author justifies the use of term «intelligentsia» (as the tool of the research) in the notion of «knowledge workers».

It also reveals the principles of counting the number of intelligentsia in Kubanregion at the turn of the XIX–XX centuries. Basing on the materials of the first Russian population census in 1897, author determines the number and occupational pattern of Kuban intelligentsia, its relative density in society. Kuban intelligentsia counted about 7000 people, that is 0,08 per cent of all regional population.

The article also discusses the Kuban intelligentsia peculiarities, presents its activity conditions in Cossack region. The article analyses Kuban intelligentsia limits capabilities to influence the social life and the intellectual development of society.

**Keywords:** Russian intelligentsia, Kuban intelligentsia, metropolitan intelligentsia, provincial intelligentsia, knowledge workers, intellectual.

### 1. Введение

Более ста лет, если вести отсчет от сборника «Вехи» (1909 г.), в России ведутся дискуссии о роли или ответственности интеллигенции за развитие общества и государства. Нередко эти дискуссии бессмысленны, как минимум, по двум причинам. Во-первых, сегодня насчитывается более 300 определений термина «интеллигенция», и оппоненты часто вкладывают во время споров разный смысл в одно и то же слово. Во-вторых, в период истории до 1917 г. российская интеллигенция представляла собой неоднородное явление и включала в себя различные слои и категории, нередко с противоположными или просто не совпадающими целями. Интеллигенция разделялась по классовому и сословному критерию (дворянская, буржуазная, пролетарская, казачья, церковная), по профессиональному критерию (педагоги, работники здравоохранения, служащие на транспорте, в сфере связи, промышленности, государственные служащие, военная интеллигенция и т.д.), по национальному признаку. Наконец, одновременно со столичной в стране действовала многочисленная провинциальная интеллигенция, которая также была неоднородной (губернская, уездная, сельская, станичная и т.д.). Термин «провинциальная интеллигенция» мы употребляем не в цивилизационном или культурологическом смысле, а в географическом: провинциальная – не столичная. На основе всего выше изложенного можно сделать вывод о том, что в научном плане плодотворно анализировать роль в истории России не «абстрактной» интеллигенции, а ее конкретного слоя, группы, категории.

### 2. Материалы и методы

2.1. Основным источником для подсчета численности кубанской интеллигенции в целом и ее отдельных профессиональных групп, анализа ее профессиональной структуры и удельного веса в обществе являются материалы первой всеобщей переписи населения России в 1897 г. Методика работы с ее итогами изложена в самой статье.

\* Corresponding author

E-mail addresses: [agd7@mail.ru](mailto:agd7@mail.ru) (A.G. Danilov)

2.2. В работе использованы принципы классического исторического исследования – объективность, историзм и социологизм, которые дают возможность обобщать фактический материал, устанавливать причинно-следственные связи и типологизировать исторический процесс. В связи с этим в работе использовались системный и сравнительно-исторический методы и метод исторической типологизации. Методологическую основу составляют различные теории предметного содержания. Это разработанные в исследованиях Л.К. Ермана, А.В. Ушакова, В.Р. Лейкиной-Свирской теоретические представления об интеллигенции как о работниках умственного труда, а также теории типологизации российской интеллигенции по профессиям.

### 3. Обсуждение

В работах 1970–1980-х годов, подготовленных на местном материале, авторы традиционно рассматривали локальные процессы как частные проявления общих закономерностей.

С 1990-х годов все более распространенной становится точка зрения, согласно которой, вместо единого всемирно-исторического существуют локально-исторические процессы, множество цивилизаций, отдельных региональных ячеек, провинций, каждая из которых выступала как самостоятельный субъект истории (Данилов и Меметов, 1997: 6). В этой связи усиливается интерес исследователей к изучению истории зарождения, формирования и деятельности интеллигенции в различных регионах России в XIX – начале XX века, анализируется нравственно-психологическое, культурное и политическое своеобразие русской провинции. По этой проблематике проводились научные конференции в Тамбове (1993, 1996), Костроме (1994), Иваново (1996), Рязани (1996), Екатеринбурге (1997), Омске (1998), защищены докторская (Н.К. Гуркина, 1998 г., на материалах Европейского Севера страны) и кандидатские диссертации на материалах Калмыкии, Кубани, Урала, Курской, Ставропольской, Тверской и Тульской губерний, Терской области, Москвы, Омска и т.д. Можно привести с десятков подобных исследований в 2000-е годы в рамках самостоятельного направления в истории – интеллигентоведения. К дискуссионным вопросам из истории провинциальной интеллигенции относятся: время появления ее в том или ином регионе, численность, удельный вес, профессиональная и социальная структура местной интеллигенции, степень ее самоорганизации, характер ее взаимоотношений с местной властью, духовный мир и искания, роль провинциальной интеллигенции в развитии российского общества, особенности казачьей интеллигенции.

Дореволюционные, советские и современные исследователи проделали большую работу по изучению тех сфер жизни кубанского общества (образование, здравоохранение, культура, печать, военная служба, суд, промышленность, транспорт, общественно-политическая жизнь и др.), в которых себя активно проявила интеллигенция в XIX – начале XX в.: Ф.А. Щербина, П. Зажаев, Я. Георгиади, Б.М. Городецкий, В.П. Бардадым, В.Н. Ратушняк, Б.А. Трехбратов, Л.А. Карапетян, Л.В. Комиссинская, С.Н. Чич, Т.В. Ратушняк, Д.С. Ткаченко, С.А. Трехбратова, П.В. Прохода, И.Д. Золотарева, П.П. Матющенко, В.Н. Ракачев, И.М. Федина и др. Отдельным отрядам кубанской интеллигенции в указанный период посвящены работы А.Н. Еремеевой (Еремеева, 2013), Ю.А. Яворской (Яворская, 2000), З.Я. Емтыль (Емтыль, 2010). Были проведены научные конференции, посвященные анализу различных сюжетов из истории интеллигенции края (Интеллигенция Северного Кавказа, 1998; Интеллигенция России, 1999).

Однако вопрос о методике подсчета численности кубанской интеллигенции, ее профессиональной структуре и удельном весе в обществе в выше названных исследованиях практически не ставился.

### 4. Результаты

Дискуссии, кого можно отнести к интеллигенции, продолжаются несколько десятилетий. Наиболее глубоко этот сюжет в дореволюционной, советской, зарубежной (эмигрантской), современной отечественной и зарубежной историографии проанализирован в работах Е.И. Самарцевой (Самарцева, 1998). Дискуссии о содержании понятия «интеллигенция» продолжаются и в XXI в. (Sdvižkov, 2002; Kolonickij, 2002; Kliutchine, 2007; Меметов, 2008; Будник, 2009). Не останавливаясь подробно на анализе сути споров (Данилов, 2004), отметим, что из всего многообразия подходов к определению термина «интеллигенция» наибольшее распространение получили два: 1) историко-социологический и 2) нравственно-этический. В рамках первого подхода интеллигенция – это работники умственного труда. В рамках второго – это общность людей, обладающих определенными нравственными чертами, такими, как народолюбие, гуманность, самопожертвование, порядочность, принципиальность, духовность, способность к состраданию, социальное неравнодушие.

Под термином «интеллигенция» мы понимаем социально-профессиональный слой людей, имеющих определенный уровень образования, полученного в высшем или среднем учебном заведении, в отдельных случаях – путем самообразования (это для эпохи до 1917 г.), для которых умственный труд является основным занятием.

Наша приверженность к историко-социологическому подходу в определении понятия «интеллигенция» определяется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, нам представляется, что необходимо различать два схожих, но разных по значению понятия: интеллигент как носитель определенных моральных и нравственных качеств, которые в совокупности составляют понятие «интеллигентность», и интеллигенция как работники умственного труда.

Во-вторых, следует отметить, что моральные принципы носят конкретно-исторический характер. То, что в одну историческую эпоху могло считаться «аморальным», могло быть вполне приемлемым для следующих поколений.

В-третьих, и главное, в классовом обществе понятия о добре и зле у разных социальных слоев не совпадают, как не совпадают представления о том, например, что такое патриотизм. То, что революционеры считали заботой об интересах народа, консерваторы называли предательством его интересов и наоборот. Кто больше любил Родину: К.П. Победоносцев, П.А. Столыпин, А.В. Колчак, В.И. Ленин, Л. Мартов, В. Чернов? Нам представляется, что споры на эти темы бесплодны. Поэтому использование морально-нравственных категорий при решении вопроса, кого относить к интеллигенции, достаточно проблематично, если не сказать невозможно. Данный подход (а это очень важно – поднимать нравственную планку интеллигенции) в основном приемлем для литературы и публицистики.

В-четвертых, известно, что не столько сам поступок, сколько намерение человека – вот что позволяет глубже охарактеризовать его нравственный мир. Раскрыть это помогают документы личного происхождения (воспоминания, дневники, письма, записные книжки). Однако исследователь провинциальной интеллигенции (периода до 1917 г.), в отличие от столичной, почти не имеет в своем распоряжении такого рода документов.

В научной литературе конца XIX – начала XX в. наряду с понятием «интеллигенция» применялся термин «полуинтеллигенция». К полуинтеллигенции обычно относили не имевших высшего образования учителей начальных школ, техников, фельдшеров, конторщиков, мелкое чиновничество, канцелярских служащих почты, телеграфа, железных дорог и т.п. Полуинтеллигенция не была особой, отличной от интеллигенции социальной прослойкой. Это была часть интеллигенции, к тому же самая массовая (Ерман, 1966: 8). В нашей работе мы вслед за Л.К. Ерманом, А.В. Ушаковым (Ушаков, 1985), В.Р. Лейкиной-Свирской (Лейкина-Свирская, 1981) и другими историками будем рассматривать интеллигенцию в широком смысле слова, включая и тот слой, который в начале XX в. именовался полуинтеллигенцией.

Основным источником для определения численности интеллигенции России, ее профессиональной структуры в целом по стране и в отдельных регионах, включая Кубанскую область, на рубеже XIX–XX вв. являются материалы первой всеобщей переписи населения страны 1897 г. Вся собранная информация о населении России была систематизирована в 25 Таблицах. Сведения о профессиях и занятиях населения по разным критериям (город, село, административное деление, возраст, пол и т.д.) собраны в 4 таблицах с XX по XXIII. Наибольшую ценность для исследователей представляют материалы Таблицы XX «Распределение населения по группам занятий и возрастам», в которой занятия населения систематизированы по 65 группам и 390 видам.

Однако при анализе результатов переписи важно учитывать следующие моменты. При публикациях материалов Таблицы XX в соответствующих томах, посвященных каждой губернии (Первая всеобщая. Кубанская область., 1905), составители переписи в целях экономии места и средств ограничились только итоговыми цифрами по 65 крупным группам занятий. Отсутствие в погубернских изданиях сведений более детального характера – по 390 видам занятий – во-первых, не позволяет адекватно определить профессиональный состав провинциальной интеллигенции. Во-вторых, и главное, не позволяет определить численность местной интеллигенции, так как итоговые цифры «по группам занятий» включают в себя одновременно работников умственного и физического труда, не входивших в состав интеллигенции. Существует еще несколько форматов издания обобщенных итогов первой всеобщей переписи населения 1897 г., в которых Таблица XX «Распределение населения по группам занятий и возрастам» дана в усеченном виде – только по 65 группам занятий.

К сожалению, некоторые исследователи местной интеллигенции в своих работах или не ставят вопрос о ее численности и профессиональной структуре в изучаемом регионе, или используют некорректные цифры из материалов переписи 1897 г. по своей губернии.

Есть только одно издание, в котором население распределяется не только по 65 группам, но и по более детальным 390 видам занятий в каждой губернии (Первая всеобщая. Распределение по видам главных занятий, 1905). Это позволяет исследователям, исключив из каждой соответствующей группы занятий работников физического труда, подсчитать численность и раскрыть профессиональную структуру местной интеллигенции. Но и в названном источнике ряд категорий служащих (техники, чертежники, железнодорожные конторщики и телеграфисты) объединены составителями переписи вместе с работниками физического труда. Поэтому в каждом конкретном случае будет оговариваться, каким образом определялась численность того или иного отряда кубанской интеллигенции.

Деление работников умственного труда не только по группам занятий, но и по более детальным видам занятий создает неповторимый портрет интеллигенции каждой отдельной губернии (см. Таблица 1) (Первая всеобщая. Таблица XX, 1905: 30–41).

**Таблица 1.** Состав интеллигенции Кубани в конце XIX в. по группам и видам деятельности

№	Вид деятельности		Числ.	%
1.	Учебная и воспитательная деятельность		1354	19,5
	- начальники и учащие в учебных заведениях	760		
	- учителя искусств и ремесел	45		
	- прочие (кроме начальников и учащихся) чины учебных заведений	46		
	- служащие в канцеляриях учебных заведений	нет свед.		
	- частные преподаватели, преподавательницы	457		
	- гувернеры и гувернантки, служащие у частных лиц	46		
2.	Частная служба у капиталистов и помещиков		993	14,3
	- администрация промышленных и торговых предприятий	249		
	- служащие у частных лиц (управляющие, секретари и т.п.)	664		
	- служащие банков и страховых учреждений	80		
3.	<b>Общественная и сословная служба</b>		848	12,2
	- служащие по выборам в общественных и сословных учреждениях	29		
	- станичные атаманы, волостные и сельские старшины	146		
	- служащие по найму в общественных и сословных учреждениях	673		
4.	Духовенство		741	10,6
	- священнослужители православного исповедания	627		
	- священнослужители других христианских исповеданий	13		
	- высшие духовные лица нехристианского исповедания	101		
5.	Здравоохранение		682	9,8
	- начальники лечебных заведений, врачи	98		
	- врачи армии и флота	16		
	- зубные врачи	3		
	- аптекари, провизоры, фармацевты	109		
	- акушерки и повивальные бабки	36		
	- фельдшеры и аптекарские ученики	420		
6.	Государственный аппарат (гражданская служба)		650	9,3
	- чины административного и судебного ведомств	224		
	- чины межевого ведомства	60		
	- служащие в канцеляриях административного и судебного ведомств	308		
	- офицерские чины жандармов и полиции	58		
7.	Военная служба		475	6,8
	- генералы и офицеры военного ведомства, военные топографы	423		
	- гражданские чины военного ведомства и пограничной стражи	25		
	- служащие в канцеляриях военного ведомства	27		
8.	Железнодорожный и водный транспорт		415*	6,0
	- начальники станций, начальники служб и другие линейные служащие	199		
	- служащие в правлениях железнодородных и пароходных обществ	нет свед.		
	- портовая и речная администрация	нет свед.		
	- конторщики, кондуктора, дорожные мастера	(858)		
9.	Почтово-телеграфные служащие		340*	4,9
	- служащие высшего разряда	108		

	- телеграфисты, телефонисты и почтальоны	(368)		
10.	Промышленность		240*	3,5
	- инженеры и технологи	14		
	- механики, техники, машинисты	(480)		
	- чертежники, переписчики, переводчики	(413)		
11.	Наука, литература, искусство		87	1,3
	- <b>ученые и литераторы</b>	<b>2</b>		
	- <b>художники, музыканты, актеры</b>	<b>85</b>		
12.	Юристы		80	1,2
13.	Специалисты сельского хозяйства (ветеринары)		45	0,6
	- агрономы, лесоводы, землемеры	нет свед.		
	- ветеринары	45		
	Итого:		6950	100,0

В скобках указана численность одновременно работников умственного и физического труда. Цифры со звездочками были получены путем математических вычислений, методика которых будет дана ниже.

Полученные нами итоговые цифры по группам занятий отличаются от подобных цифр, изданных в соответствующем томе по Кубанской области. Это стало следствием того, что мы исключили работников физического труда: из группы «Учебная и воспитательная деятельность» – сторожей и прислугу в учебных заведениях.

Из группы «Общественная и сословная служба» исключили «служителей, рассыльных, сторожей и т.п. в общественных и сословных учреждениях».

Из группы «Духовенство» при подсчетах мы исключили монашествующих православного и других христианских исповеданий, послушников, церковнослужителей, псаломщиков, церковных певчих, должностных лиц при церквях, молельнях, мечетях, синагогах, кладбищах и некоторые другие категории, которых составители переписи включили в состав духовенства.

Из группы «Здравоохранение», в материалах переписи она названа «Врачебная и санитарная деятельность», мы вслед за Л.К. Ерманом и другими исследователями перенесли ветеринарных врачей в группу специалистов сельского хозяйства, а также исключили сестер милосердия, сиделок и лиц, «занимающиеся врачеванием без права врачевания» (знахари, повитухи и т.д.).

Из группы «Государственный аппарат», в материалах переписи она называется «Администрация, суд и полиция», мы исключили такие категории, как «служители, сторожа и т.п. административного и судебного ведомств», «нижние чины жандармов и полиции, пожарные».

Из группы «Военная служба» были исключены «нижние чины военного ведомства и пограничной стражи», «служители и сторожа военного ведомства».

Из группы «Наука, литература, искусство» инженеров и технологов мы перенесли в группу «Промышленность» и исключили «прислугу в учреждениях ученых и художественных и в театрах».

В группе «Частная юридическая служба» мы оставили только адвокатов и нотариусов и исключили такую категорию, как «занимающиеся в конторах нотариусов и поверенных. Служители и рассыльные».

Методика подсчета работников умственного труда в промышленности, на транспорте и в сфере связи была следующей.

В 8-й (по численности) группе «Железнодорожный и водный транспорт» к работникам умственного труда мы относим такие категории, как начальники станций и служб, служащие в правлениях железнодорожных и пароходных обществ, портовая и речная администрация. Однако сведений о численности двух последних групп материалы переписи по Кубанской области не дают. К работникам умственного труда, по мнению Л.Е. Ермана, А.В. Ушакова, В.Р. Лейкиной-Свирской и других историков, следует прибавить группу конторских служащих на железной дороге и группу служащих железнодорожного телеграфа. Сведений о численности железнодорожных телеграфистов в материалах переписи нет. Не исключено, что они могли войти в состав следующей группы «Почтово-телеграфные служащие». Конторские служащие железной дороги составителями переписи были объединены с работниками физического труда – кондукторами и дорожными мастерами.

В сфере промышленности помимо инженеров и технологов к работникам умственного труда, по мнению исследователей, можно отнести техников и чертежников.

По подсчетам Л.К. Ермана, техники, чертежники и железнодорожные конторщики в среднем по стране составляли примерно 25 % от числа лиц, которое взято в [Таблице 1](#) в соответствующих графах в скобки ([Ерман, 1966: 10-11](#)).

Используя условный и примерный критерий «в среднем по стране», 25 % от взятых в скобки 858 конторщиков, кондукторов и дорожных мастеров = 215 железнодорожных конторщиков. Прибавляя 199 начальников станций, начальников служб и других линейных служащих, округляем и

получаем указанную в [Таблице 1](#) примерную численность кубанской интеллигенции, занятой на транспорте, – 415 человек.

Аналогично получаем примерную численность техников и чертежников. 25 % от взятых в скобки 893 (480 + 413) составляет 223 человека. Прибавляем к ним 14 инженеров и технологов и округляем до 240 человек. Примерно столько работников умственного труда было занято в Кубанской области в сфере промышленности.

Среди почтово-телеграфных служащих к работникам умственного труда исследователи помимо служащих высшего разряда относят телеграфистов и телефонистов. Однако две последние категории в материалах переписи населения объединены с почтальонами, которых нельзя отнести к интеллигенции. В целом эта группа насчитывала 368 человек (355 мужчин и 13 женщин). По подсчетам Л.К. Ермана, в среднем по стране почтальонов было 38,86 % от общего числа мужчин из группы «телеграфисты, телефонисты и почтальоны» ([Ерман, 1966: 9](#)). 38,86 % от 355 составляет 128 человек. Примерно столько почтальонов было в регионе на момент переписи. 368 – 128 = 240 человек. Это примерная численность телеграфистов и телефонистов. Прибавляя к ним 108 служащих высшего разряда и округляя, получаем указанную в [Таблице 1](#) цифру 340 человек. Примерно столько почтово-телеграфных служащих Кубани можно отнести к интеллигенции.

Таким образом, в целом примерная численность интеллигенции Кубани в конце XIX в. составила 6950 человек. Учитывая, что численность отдельных отрядов работников умственного труда была получена путем подсчетов на основе условного критерия «в среднем по стране», можно считать численность кубанской интеллигенции, включая полуинтеллигенцию, в 6900–7000 человек достаточно близкой к истинной. Для дальнейших расчетов будем использовать округленную цифру 7 тысяч человек.

Если все население Кубанской области в 1897 г. насчитывало 1,92 млн. человек, то интеллигенция (7000 человек) составляла 0,36 %. Другими словами, на 275 жителей области приходился 1 работник умственного труда. Для сравнения, численность интеллигенции Донской области, по нашим подсчетам, составляла 15500 человек (0,6 % населения Дона), Ставропольской губернии – 2900 человек (0,33 % населения губернии).

Об удельном весе интеллигенции (без учащихся старших классов) среди самодеятельного населения области можно судить по материалам [Таблицы 2](#).

**Таблица 2.** Удельный вес интеллигенции среди самодеятельного населения Кубани

	численность
- лица, имеющие самостоятельные занятия*	475.205
- численность интеллигенции	7.000
- удельный вес (%)	1,47

**Примечания:** ([Первая всеобщая. Кубанская область., 1905: 137](#))

По расчетам Л.К. Ермана, этот показатель в среднем по стране (также без учащихся) составлял 2,7 % ([Ерман, 1966: 14](#)). Однако В.Р. Лейкина-Свирская, А.В. Ушаков, Э.В. Кемпинский внесли коррективы в подсчеты Л.К. Ермана. В.Р. Лейкина Свирская, считала, что Л.К. Ерман завысил численность интеллигенции (и наш анализ его расчетов это подтвердил), включив в отдельных случаях в ее состав служителей, рассыльных, сторожей ([Лейкина-Свирская, 1971: 15](#)). В то же время А.В. Ушаков, прибавив к расчетам Л.К. Ермана военных и духовенство, увеличил удельный вес интеллигенции страны примерно на 0,5 %. Любопытны, но далеко не бесспорны подсчеты ставропольского историка Э.В. Кемпинского, который также пришел к цифре 3,2 % самостоятельного населения и 3,48 % занятого населения ([Кемпинский, 1998: 90–93; Кемпинский, 2008: 30](#)). Данный вопрос нуждается в дополнительных исследованиях историков. Но цифра 3,2 % может служить примерным показателем удельного веса интеллигенции среди самодеятельного населения страны в конце XIX в. В любом случае удельный вес интеллигенции Кубани был в 2 раза ниже, чем в среднем по стране. Такая ситуация является следствием ряда факторов: отсутствием в регионе земства, высших учебных заведений, менее развитой промышленностью и железнодорожной сетью. Нам представляется, что разное время вхождения конкретного региона в состав России и, как следствие, разное время появления местной интеллигенции также влияет на ее численность и степень самоорганизации.

Важно отметить, что сосредоточение значительной части интеллигенции страны в Петербурге и Москве ([Ерман, 1966: 15–16](#)), некоторые качественные отличия провинции от столиц делают, с нашей точки зрения, показатель «удельный вес интеллигенции среди самодеятельного населения в среднем по стране» достаточно условным. Нам представляется, что по мере накопления региональных исследований корректнее сравнивать показатели различных провинций, областей, губерний (при условии единой методики подсчета) между собой, чем с показателем «в среднем по стране». Например, для Донской области данный показатель, по нашим подсчетам, составляет 2,4 %, для Ставропольской губернии – 1,5 %.

Отметим низкий удельный вес женщин среди интеллигенции и служащих края – 9 %. Для сравнения, на Дону – 11 %, на Ставрополье – 12,2 %. Примерно такой же была картина в целом стране.

Важно изучить степень обеспеченности специалистами каждой сферы деятельности интеллигенции. Например, работники просвещения были самым массовым отрядом интеллигенции на Кубани и составляли почти 20 % работников умственного труда. Это отнюдь не означает, что сфера образования была наиболее развитой. Напротив, хорошо известно тяжелое положение большинства учителей и школ в Кубанской области, как и по всей стране, в тот период.

Стоит отметить, что специалисты высшей квалификации – врачи (включая военных) составляли всего 17 % общего количества медработников Кубани. В соседних Донской области и Ставропольской губернии была аналогичная ситуация. На Юге России была большая нехватка врачей.

К сожалению, в материалах переписи населения 1897 г. отсутствует подразделение на профессии внутри категории «Художники, музыканты, актеры». В графу «Ученые и литераторы», очевидно, включены не только писатели, но и журналисты, так как отдельной графы «Журналисты» в материалах переписи нет.

Анализ профессиональной структуры Кубанской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в ее составе преобладали специалисты, работавшие по найму: на государственной службе (гражданской и военной), в сфере материального производства, в области культуры и идеологии. Интеллигенты «свободных профессий», трудившиеся самостоятельно, составляли абсолютное меньшинство.

Во-вторых, большинство из работавших по найму находились на службе не у частных лиц, а у государства. Это обстоятельство, с одной стороны, порождало такие отрицательные черты, как кастовость, чиновничество, тормозившие втягивание интеллигенции в общественную жизнь. Но, с другой стороны, эта часть интеллигенции, сталкиваясь с государством как со своим непосредственным работодателем, со временем вступала с ним в борьбу за свои экономические нужды, что ускоряло втягивание ее в борьбу политическую. Однако стоит отметить, что на настроения и взгляды интеллигенции влияла вся сложность российской действительности (в социально-политической, экономической, культурной, национальной и других областях жизни). Большое значение имело неустойчивое «промежуточное» положение интеллигенции, вызывавшее ее постоянные колебания, мировоззренческий эклектизм, расплывчатость социальных идеалов. Политическая ориентация интеллигенции определялась также особенностями судеб каждого индивидуума, многообразием условий формирования его взглядов, различиями в объеме и характере социального опыта, индивидуальной неповторимости структуры сознания отдельных людей.

В-третьих, большую ее часть в отличие от столичной интеллигенции составляли лица с начальным образованием.

В-четвертых, наличие в ее составе казачьей интеллигенции.

В-пятых, отсутствие земской интеллигенции.

В-шестых, специфические условия, в которых жила и работала кубанская интеллигенция (отсутствие земства, казачий фактор), во многом ограничивали ее инициативу.

Основное свое влияние на развитие региона кубанская интеллигенция оказывала своей профессиональной деятельностью в сфере образования, здравоохранения, культуры, идеологии, государственной службы, в промышленности, на транспорте. И кое в чем она добилась успехов. Например, в 1860–1890-е годы удалось изменить отношение местного населения, прежде всего казаков, к обучению своих детей в школе. В 60–80-е годы XIX в. приглашение ребенку учиться воспринималось во многих семьях как несчастье. Характеризуя настроения местных жителей в 90-е годы XIX в., газета «Кубанские областные ведомости» отмечала, что теперь не найдется отца, который не желал хотя бы слабого просвещения своих детей. Осенью, когда идет прием учащихся, «сколько проклятий сыплется на голову станичных властей, и все потому, что не хватает места в здании и пришлось время расширить его». На многочисленных станичных сходах ставились вопросы о выделении средств на строительство школьных зданий и содержание учителей (Горлова и др., 1993: 27–28, 31). Удельный вес детей школьного возраста, не посещавших школы, по нашим подсчетам, за 25 лет сократился в 1,6 раза с 86,5 % в 1881 г. до 53,6 % в 1906 г. (Зажаев, 1907: 28). Были свои достижения и у кубанских врачей, и у представителей других категорий местной интеллигенции.

Но возникает интересный вопрос о возможности местной интеллигенции (помимо духовенства) влиять на общественную жизнь региона и духовное развитие общества. Можно предположить, что в определенной степени к этому были готовы юристы (80 чел.), деятели науки, литературы, искусства (87 чел.), инженеры (14 чел.), учителя (1217 чел), врачи (117 чел.), в сумме это 1515 человек, а также отдельные служащие государственного аппарата, железнодорожного транспорта, почты и телеграфа, некоторые офицеры. Общая цифра – примерно 1600–1650 человек, что составляет 23 % кубанской интеллигенции или 0,08 % всего населения Кубанской области. Для сравнения аналогичные показатели, по нашим подсчетам, составляли для Донской области – 22,6 % донской интеллигенции или 0,13 % всего населения Дона, 24 % ставропольской интеллигенции или 0,08 % всего населения губернии.

Но и эти цифры завышены. Далеко не все юристы, журналисты, инженеры, врачи, учителя разделяли либеральные или демократические идеи или были способны понять их. Например, даже спустя 13 лет после переписи населения, в 1910 г. никто из учителей начальной школы Кубани (это основная масса педагогов в крае) не имел высшего образования. 47 % учителей начальной школы Кубани в 1906 г. не имели даже среднего образования (*Зажаев, 1907: 24, 25*). Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. на Кубани потенциальные носители новых идей составляли примерно пятую часть местной интеллигенции. На каждые 1200 человек местного населения приходился примерно 1 работник умственного труда, потенциально способный понять и принять новые идеи.

### Заключение

Кубанская интеллигенция в основном проявляла себя в профессиональной сфере. Одновременно у нее в отличие от столичной интеллигенции было значительно меньше каналов и возможностей проявлять себя в общественной жизни края и влиять на сознание людей.

Во-первых, деятельность работников умственного труда в духовной и культурной сферах находилась под строжайшим контролем со стороны местных (станичных) атаманов, полиции, жандармов, других государственных структур, многочисленных «ревнителей старины» и т.д.

Во-вторых, существовали объективные препятствия на пути распространения в провинции новых идей: а) малочисленность потенциальных носителей новых идей (примерно 0,1 % населения); б) их бесправие – отсутствие или неразвитость политических свобод, политических партий, союзов, других легальных форм пропаганды передовых идей; в) слабость связей внутри самой интеллигенции – например, разъединенность сельских врачей, учителей; г) неграмотность (грамотные на Кубани составляли 16,77 %) и низкая политическая культура основной массы населения, особенно в сельской местности; д) отсутствие в регионе земства.

Несмотря на объективные трудности, интеллигенция Кубани внесла заметный вклад в духовное, культурное, социальное, экономическое, политическое развитие своего края и России.

Сегодня, когда многие связывают возрождение России с возрождением провинции, необходимо бережно и внимательно относиться к поискам, ошибкам, находкам, победам, достижениям провинциальной интеллигенции в конце XIX – начале XX в.

### Литература

- Будник, 2009* – Будник Г.А. Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии // Интеллигенция и мир. 2009. № 3. С. 7-18.
- Горлова и др., 1993* – Горлова И.И., Манаенков А.И., Лях В.И. Культура Кубанских станиц. 1794–1917. Краснодар: Южная звезда, 1993. 130 с.
- Данилов и Меметов, 1997* – Данилов А.А., Меметов В.С. Интеллигенция провинции в истории и в культуре России. Иваново: ИвГУ, 1997. 175 с.
- Данилов, 2004* – Данилов А.Г. Российская интеллигенция: понятие и теоретические проблемы формирования // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. № 4. С. 36–41.
- Емтыль, 2010* – Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. / Науч. ред. Э.А. Шеуджен. Краснодар: Издательский дом – Юг, 2010. 352 с.
- Еремеева, 2013* – Еремеева А.Н. Культурная жизнь Кубани в XX веке. Краснодар, 2013. Гл. 1. С. 7-19.
- Ерман, 1966* – Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. 373 с.
- Зажаев, 1907* – Зажаев П. Прошлое и настоящее Кубанской начальной школы. Екатеринодар, 1907.
- Интеллигенция Северного Кавказа, 1998* – Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегион. науч. конференции (10-11 апреля 1998 г.): В 2-х ч. Ч. 1 / Под ред. В.А. Шаповалова. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. 183 с.
- Интеллигенция России* – Интеллигенция России в истории Северного Кавказа: Материалы межрегион. науч. конференции (октябрь 1999 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. 324 с.
- Кемпинский, 1998* – Кемпинский Э.В. Численность интеллигенции в Российской империи в конце XIX века: уточненные сведения / Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегион. науч. конференции (10-11 апреля 1998 г.): В 2-х ч. Ч. 1 / Под ред. В.А. Шаповалова. Ставрополь, 1998. С. 90–93.
- Кемпинский, 2008* – Кемпинский Э.В. Интеллигенция Северного Кавказа: анализ переписи 1897 года // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4. С. 30-35.
- Лейкина–Свирская, 1971* – Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. 368 с.
- Лейкина-Свирская, 1981* – Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. 285 с.
- Меметов, 2008* – Меметов В.С. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. С. 7-25.



- Первая всеобщая. Кубанская область, 1905** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. 65. Кубанская область. СПб., 1905.
- Первая всеобщая. Распределение по видам главных занятий, 1905** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным районам. Таблица XX. Т. I–IV. СПб., 1905.
- Первая всеобщая. Таблица XX, 1905** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным районам. Таблица XX. Т. III. СПб., 1905.
- Самарцева, 1998** – Самарцева Е.И. Российская интеллигенция до октября 1917 года (историографический очерк). Тула: Изд-во ТулГУ, 1998. 192 с.
- Ушаков, 1985** – Ушаков А.В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985. 159 с.
- Яворская, 2000** – Яворская Ю.А. Медицинская интеллигенция Кубани в пореформенный период // Интеллигенция России в истории Северного Кавказа. Материалы межрегион. науч. конференции (октябрь 1999 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. С.182-184.
- Klioutchine, 2007** – *Klioutchine K.* Between sacrifice and indulgence: Nikolai Nekrasov as a model for the intelligentsia // *Slavic Review.* 2007. Т. 66. № 1. p. 45-62.
- Kolonickij, 2002** – *Boris I. Kolonickij.* The Russian intelligentsia's identities and the emergence of anti-intellectualism (late nineteenth-early twentieth centuries) // *Cahiers du Monde Russe.* 2002. Т. 43. № 4. p. 601-616.
- Sdvižkov, 2002** – *Denis A. Sdvižkov.* Comparing what cannot be compared: the general and the specific in the notion of «educated man» // *Cahiers du Monde Russe.* 2002. Т. 43. № 4. p. 569-590.
- References**
- Budnik, 2009** – *Budnik G.A.* Ponyatie «intelligentsiya»: novye podkhody i diskussii [The concept of «intelligentsia»: new approaches and discussions] // *Intelligentsiya i mir.* 2009. № 3. S. 7-18. [in Russian]
- Gorlova i dr., 1993** – *Gorlova I.I., Manaenkov A.I., Lyakh V.I.* Kul'tura Kubanskikh stanits. 1794–1917 [The Culture of Kuban stanitsas] Krasnodar: Yuzhnaya zvezda, 1993. 130 s. [in Russian]
- Danilov i Memetov, 1997** – *Danilov A.A., Memetov V.S.* Intelligentsiya provintsii v istorii i v kul'ture Rossii [The Province intelligentsia in history and in culture of Russia] Ivanovo: IvGU, 1997. 175 s. [in Russian]
- Danilov, 2004** – *Danilov A.G.* Rossiiskaya intelligentsiya: ponyatie i teoreticheskie problemy formirovaniya [Russian intelligentsia: concept and theoretical problems of formation] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki.* 2004. № 4. S. 36–41. [in Russian]
- Emtyl', 2010** – *Emtyl' Z.Ya.* Adygsкая intelligentsiya: formirovanie i deyatelnost' v istoricheskoi dinamike kontsa XIX v. – nachala 30-kh gg. XX v. [Adyge intelligentsia: formation and functioning in historic dynamics at the end of the XIX century – the beginning of 30s of the XX century] / *Nauch. red. E.A. Sheudzhen.* Krasnodar: Izdatel'skii dom – Yug, 2010. 352 s. [in Russian]
- Eremeeva, 2013** – *Eremeeva A.N.* Kul'turnaya zhizn' Kubani v XX veke [The cultural life of Kuban in the XX-th century]. Krasnodar, 2013. Gl. 1. S. 7-19. [in Russian]
- Erman, 1966** – *Erman L.K.* Intelligentsiya v pervoi russkoi revolyutsii [Intelligentsia in the first russian revolution]. М., 1966. 373 s. [in Russian]
- Zazhaev, 1907** – *Zazhaev P.* Proshloe i nastoyashchee Kubanskoj nachal'noi shkoly [The past and the present of Kuban primary school]. Ekaterinodar, 1907. [in Russian]
- Intelligentsiya Severnogo Kavkaza, 1998** – *Intelligentsiya Severnogo Kavkaza v istorii Rossii* [The North Caucasus intelligentsia in the history of Russia]: Materialy mezhregion. nauch. konferentsii (10-11 aprelya 1998 g.): V 2-kh ch. Ch. 1 / Pod red. V.A. Shapovalova. Stavropol': Izd-vo SGU, 1998. 183 s. [in Russian]
- Intelligentsiya Rossii** – *Intelligentsiya Rossii v istorii Severnogo Kavkaza* [The intelligentsia of Russia in the North Caucasus history]: Materialy mezhregion. nauch. konferentsii (oktyabr' 1999 g). Stavropol': Izd-vo SGU, 2000. 324 s. [in Russian]
- Kempinskii, 1998** – *Kempinskii E.V.* Chislennost' intelligentsii v Rossiiskoi imperii v kontse XIX veka: utochnennyye svedeniya [The number of intelligentsia in Russian empire at the end of the XIX century: précised reduction] / *Intelligentsiya Severnogo Kavkaza v istorii Rossii: Materialy mezhregion. nauch. konferentsii (10-11 aprelya 1998 g.): V 2-kh ch. Ch. 1* / Pod red. V.A. Shapovalova. Stavropol', 1998. S. 90–93. [in Russian]
- Kempinskii, 2008** – *Kempinskii E.V.* Intelligentsiya Severnogo Kavkaza: analiz perepisi 1897 goda [The North Caucasus intelligentsia: the analysis of census 1897] // *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii.* 2008. № 4. S. 30-35. [in Russian]
- Leikina-Svirskaya, 1971** – *Leikina-Svirskaya V.R.* Intelligentsiya v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Intelligentsia in Russia in the second part of the XIX century]. М., 1971. 368 s. [in Russian]
- Leikina-Svirskaya, 1981** – *Leikina-Svirskaya V.R.* Russkaya intelli-gentsiya v 1900–1917 godakh [Russian intelligentsia in 1900-1917 years]. М., 1981. 285 s. [in Russian]

**Memetov, 2008** – *Memetov B.C.* O nekotorykh metodologicheskikh podkhodakh v izuchenii ponyatiya «intelligentsiya» v otechestvennoi istoriografii [On some methodological approaches in the study of concept «intelligentsia» in domestic historiography] // *Intelligentsiya i mir.* 2008. S. 7-25. [in Russian]

**Pervaya vseobshchaya. Kubanskaya oblast', 1905** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. [The first total population census of Russian empire.] Vyp. 65. Kubanskaya oblast' [Kuban Oblast]. SPb., 1905. [in Russian]

**Pervaya vseobshchaya. Raspredelenie po vidam glavnykh zanyatii, 1905** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po vidam glavnykh zanyatii i vozrastnym gruppam po otdel'nym raionam. Tablitsa XX. [The first total population census of Russian empire, 1897. Population distribution by the type of main activity and age groups by different districts. Chart XX] T. I–IV. SPb., 1905. [in Russian]

**Pervaya vseobshchaya. Tablitsa XX, 1905** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po vidam glavnykh zanyatii i vozrastnym gruppam po otdel'nym raionam. Tablitsa XX. [The first total population census of Russian empire, 1897. Population distribution by the type of main activity and age groups by different districts. Chart XX] T. III. SPb., 1905. [in Russian]

**Samartseva, 1998** – *Samartseva E.I.* Rossiiskaya intelligentsiya do oktyabrya 1917 goda (istoriograficheskii ocherk) [Russian intelligentsia before october, 1917 (historiographic essay)]. Tula: Izd-vo TulGU, 1998. 192 s. [in Russian]

**Ushakov, 1985** – *Ushakov A.V.* Demokraticheskaya intelligentsiya perioda trekh revolyutsii v Rossii [Democratic intelligentsia in the period of three russian revolutions]. M., 1985. 159 s. [in Russian]

**Yavorskaya, 2000** – *Yavorskaya Yu.A.* Meditsinskaya intelligentsiya Kubani v poreformennyi period [Medicine intelligentsia of Kuban in the post-reform period] // *Intelligentsiya Rossii v istorii Severnogo Kavkaza. Materialy mezhtregion. nauch. konferentsii (oktyabr' 1999 g.).* Stavropol': Izd-vo SGU, 2000. S. 182-184. [in Russian]

**Klioutchine, 2007** – *Klioutchine K.* Between sacrifice and indulgence: Nikolai Nekrasov as a model for the intelligentsia // *Slavic Review.* 2007. T. 66. № 1. p. 45-62.

**Kolonickij, 2002** – *Boris I. Kolonickij.* The Russian intelligentsia's identities and the emergence of anti-intellectualism (late nineteenth-early twentieth centuries) // *Cahiers du Monde Russe.* 2002. T. 43. № 4. p. 601-616.

**Sdvižkov, 2002** – *Denis A. Sdvižkov.* Comparing what cannot be compared: the general and the specific in the notion of «educated man» // *Cahiers du Monde Russe.* 2002. T. 43. № 4. p. 569-590.

УДК 94.470

### Штрихи к портрету Кубанской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.

Андрей Геннадьевич Данилов<sup>a, \*</sup>

<sup>a</sup> Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация

**Аннотация.** В статье анализируются основные определения (концепции) понятия «интеллигенция». Автор обосновывает использование в качестве инструментария для исследований термина «интеллигенция» – как работников умственного труда.

Раскрыта методика подсчета численности интеллигенции Кубанской области на рубеже XIX – XX вв. На основе материалов первой всеобщей переписи населения России 1897 г. определяется численность и профессиональный состав кубанской интеллигенции, ее удельный вес в обществе. Интеллигенция Кубани насчитывала около 7 тыс. человек, что составляло 0,08 % всего населения области.

Выявлены особенности кубанской интеллигенции, показаны условия ее деятельности в казачьем крае, проанализированы ее ограниченные возможности влиять на общественную жизнь и духовное развитие общества.

**Ключевые слова:** российская интеллигенция, кубанская интеллигенция, столичная интеллигенция, провинциальная интеллигенция, работники умственного труда, интеллигент.

\* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: [agd7@mail.ru](mailto:agd7@mail.ru) (А.Г. Данилов)